

Глава I

УГРОЗЫ НЬЯФОНА

В 1665 году неподалеку от Дижона, на вершине холма, у подножия которого, прямо у реки Армансон, раскинулось селение, стоял замок графа де Бреванна, хозяина тех мест.

Граф вел жизнь затворника, никогда не спускаясь в селение, и, что самое странное, не позволяя своим вассалам являться к нему в замок. Так, впрочем, было не всегда. Когда-то он часто покидал свою крепость, принимал многочисленных гостей, не был излишне строг к своим вассалам. Но однажды все внезапно переменялось.

Двадцать семь лет назад, считая от описываемых нами событий, граф вернулся из поездки в Париж мрачным и молчаливым, и с того самого дня жизнь его стала замкнутой и загадочной.

Жена де Бреванна умерла молодой, оставив ему дочь нескольких месяцев от роду. Маленькая Сюзанна росла в добровольном заточении у своего отца, а в возрасте двенадцати лет была отдана на воспитание в монастырь, хотя графу, горячо ее любившему, было и не просто так поступить.

На склоне холма, подобно стражу, стояла красивая ферма, в которой жила мадам Жанна с дочерью Ивонной. Мадам Жанна, давно уже овдовевшая, хранила нерушимую верность графу, выступая его поверенной в общении с внешним миром, и слыла женщиной рассудительной и доброй.

Ивонна, дочь мадам Жанны, была очаровательная девушка лет двадцати, с тонко очерченным нежным лицом, на котором, однако, особенно в блеске живых глаз, читался характер твердый и решительный.

В тот вечер — а с него мы и начинаем свой рассказ — Ивонна сидела в зале фермы у огромного камина, огонь которого освещал помещение. В неподвижных руках девушки покоилась едва начатая вышивка, а сама она, погруженная в размышления, казалось, не замечала ничего вокруг. Вдруг дверь в залу медленно приоткрылась, и в образовавшейся щели показалась мужская голова. Пристальным взглядом изучив помещение и увидев, что Ивонна одна, мужчина

бесшумно проскользнул к камину и скорчился у огня. В красноватом отсвете пламени его дьявольская внешность просто ужасала: это был безобразный карлик с маленькими кривыми ножками и длинными тонкими руками, свисающими ниже колен; спину закрывал гигантский горб; непомерно большая голова казалась чудовищной; узкий лоб тонул под гривой густых рыжих волос, почти доходивших до косматых бровей, под одной из которых бешено сверкал единственный глаз. Похоже, что природа, сочтя подобное уродство незавершенным, сделала карлика еще и кривым.

Заметив молчаливое присутствие этого чудовища, Ивонна вздрогнула, посмотрела на него с удивлением, но без испуга и спросила:

— Что привело тебя сюда в столь поздний час, Ньяфон?

— Мадемуазель,— ответил хриплым голосом карлик,— я пришел, несмотря на мороз и снег, в котором тонули мои ноги.

— Бог мой! Но зачем? Что-то случилось с моей матушкой?

— Нет, мадемуазель, мадам Жанна сейчас у графа. Я пришел лишь затем, чтобы поговорить с вами наедине.

— Что за нужда? Ты хочешь открыть мне какую-нибудь тайну?

— Сначала мы поговорим о вашей тайне... а уж потом перейдем к моей.

— О моей тайне? — пробормотала девушка, покраснев.

— Раньше я всегда видел вас смеющейся, веселье не покидало вас,— продолжал карлик, словно и не слышал ее последних слов.— Вы бегали по полям и лугам, верхом на горячем коне легко перелетали через изгородь фермы; даже заставляли оруженосца графа сражаться с вами на шпагах. Вы часто пели, пели и смеялись... Сейчас же, напротив, вы бледны и задумчивы, а улыбку сменили постоянные вздохи. Подобной переменой вы обязаны этому таинственному человеку, чья судьба роковым образом отражается на всех нас. С его приходом счастье оставило замок. Лоб графа де Бреванна изборожден глубокими морщинами, молодость мадемуазель Сюзанны увядает в стенах монастыря, слуги не могут шага ступить из замка, вы же перестали петь и смеяться — и все из-за того, что здесь этот монсеньор Людовик, а вы... вы его любите!

— Ньяфон! — воскликнула девушка, побледнев и резко встав.

— А теперь я открою свою тайну,— дрогнувшим голосом продолжал карлик.— Я вас люблю!

Девушка серьезно посмотрела на него и сказала:

— Бедняга Ньяфон, твоя речь — речь безумца, и лишь поэтому я тебя прощаю! Однако...

— Сжальтесь надо мной! — прорычал взбешенный карлик. — Вы, подобно всем прочим, видя, как природа обошлась со мной, полагаете, что сердце мое лишено чувств. Но вы ошибаетесь, мадемуазель Ивонна! Я люблю вас и хочу, чтобы вы стали моей женой, однако подумайте хорошенько, прежде чем отказать мне, поскольку от меня, и только от меня, зависит счастье или несчастье всех живущих в этом замке... Клянусь, что это правда!

— Да, я ошибалась, — холодно ответила ему Ивонна. — Я, подобно всем прочим, считала тебя несчастным, обделенным судьбой созданием, которое следует защищать и утешать, но теперь, убедившись в твоей дерзости, я вижу лишь дурные наклонности и злое сердце... Убирайся прочь! Я изгоняю тебя из своего дома!

Однако Ньяфон не пошевелился, продолжая смотреть на Ивонну своим единственным налитым кровью глазом.

— Послушайте, — сказал он. — Кто-то идет сюда.

— Это возвращается моя мать.

— Нет, это приближается моя месть.

Девушка бросилась к окну и в бледном свете луны различила фигуру мужчины.

— Монсеньор Людовик, — прошептала она.

Открылась дверь, и в залу вошел юноша, протягивая руки к Ивонне. Но тут он заметил карлика и спросил:

— Что это значит, Ньяфон? Ты сказал, что Ивонна в большой опасности. Поэтому я и пришел... Но, похоже, ей ничто не угрожает?

— Со мной все в порядке, монсеньор! — воскликнула девушка.

— Нет, нет! Я говорил правду! — отозвался Ньяфон, прикидываясь дурачком. — Просто я перепутал... Я имел в виду мадемуазель Сюзанну де Бреванн.

— Сюзанне угрожает опасность? — заметно волнуясь, спросил Людовик.

— И очень серьезная, монсеньор, — подтвердил карлик. — Вы ведь не знаете, что этим утром господин де ла Бар, оруженосец господина графа, ускакал в монастырь урсулинок, чтобы привести в замок мадемуазель Сюзанну.

— Сюзанна возвращается! — воскликнул юноша с такой искренней радостью, что Ивонна слегка пошатнулась, видя, как он даже не пытается скрыть охватившие его чувства.

— Сегодня же вечером она будет здесь, если только не...— Карлик запнулся и взглянул на Ивонну, почти лишившуюся чувств.

— Ну же, договаривай! — нетерпеливо прикрикнул на него монсеньор Людовик.

— Монсеньор,— продолжал карлик,— как стемнело, в гостиницу «Корона», а это недалеко отсюда, на дижонской дороге, вошли четверо. Я спрятался под стол, все слышал и из сказанного понял, что они ждут возвращения шевалье де ла Бара, дабы убить его и похитить мадемуазель.

Юноша не стал слушать дальше. Он запахнул плащ и уже собирался выбежать из залы, когда Ивонна попыталась задержать его:

— Не придавайте значения словам этого несчастного, монсеньор. Он просто пытается оправдаться...

— Я сказал правду,— возразил Ньяфон.— Впрочем, если вы мне не верите... Но ведь и мадемуазель Ивонне также известно, что этим вечером мадемуазель Сюзанна должна вернуться...

— Да-да, я знала...— пробормотала Ивонна.

— Знала, но ничего мне не сказала? — с упреком сказал монсеньор Людовик и, мягко отстранив ее, вышел.

Карлик, одарив Ивонну саркастической ухмылкой, также вышел и запер за собой дверь, чтобы девушка не смогла последовать за ними. Минуту спустя он уже скакал рядом с юношей.

Карлика переполняла злоба и ярость, он погонял лошадь, сжимая в руке сверкающий кинжал и бормоча сквозь зубы:

— Вперед, вперед, монсеньор Людовик! Даже если ты уйдешь от них, уж я-то тебя не пощажу!

Глава II

ПОХИЩЕНИЕ

В четыре часа пополудни два всадника выехали из Дижона и, оказавшись на нужной им дороге, пустили лошадей во весь опор, борясь с порывами снежного вихря.

Один из всадников обернулся и спросил другого:

— Вы не очень устали, мадемуазель Сюзанна?

— Ах, месье де ла Бар! — ответила девушка. — В монастыре урсулинок не обучают тонкостям верховой езды...

— Потерпите, мадемуазель. Через час мы будем уже в замке.

— Трудно заподозрить в недостатке терпения человека, возвращающегося под крышу родного дома после восьмилетнего отсутствия. Однако должна признать, что я просто с ног валюсь от холода и усталости.

— Послушайте, мадемуазель, я уже вижу огни гостиницы «Корона». По сути, это всего лишь постоялый двор, но, если вас не испугает его убогость, мы могли бы остановиться там ненадолго, чтобы вы хоть немного отдохнули.

— Мне нечего страшиться, мой добрый де ла Бар, ведь я с вами. Едем в «Корону».

Они уже были в двух шагах от гостиницы, когда воздух прорезал резкий свист. Оруженосец обернулся и разглядел сквозь пургу силуэты двух мужчин.

— Что-то они не внушают мне особого доверия, — пробормотала Сюзанна.

В тот же самый миг дверь гостиницы распахнулась, и из нее вышли еще двое, со шпагами в руках, явно собираясь преградить путникам дорогу. Шевалье де ла Бар мгновенно оценил всю серьезность положения и выехал вперед, закрывая Сюзанну своим телом. Затем он взвел курок пистолета, обнажил шпагу и стал ждать дальнейшего развития событий. Все четверо теперь держались вместе. После недолгой паузы один из них вышел вперед и, отвесив преувеличенно любезный поклон, напыщенно сказал:

— Понимая, что место сие вряд ли может быть сочтено подходящим

для знакомства, я все же позволю себе осведомиться, не вы ли шевалье де ла Бар, оруженосец графа де Бреванна?

— Вы не ошиблись,— сухо ответил оруженосец.

— Тогда позвольте представиться: капитан Фариболь...

— Это имя мне ни о чем не говорит. Что вам угодно?

— Предложить вам отдых в гостинице «Корона».

— И все?

— Шевалье, вам предоставляется прекрасная возможность провести ночь здесь, в тепле и безопасности, поскольку мы с друзьями решили послужить личным эскортом для очаровательной мадемуазель де Бреванн.

— Презренные бандиты! — в гневе воскликнул де ла Бар.

— Достоин же вы платите за наше гостеприимство! — ответил Фариболь.— Но бог с вами, мы будем учтивы до конца.— И, повернувшись к своим сообщникам, он приказал: — Обслужите этих господ. Живее!

Едва последние слова слетели с его губ, как два негодяя схватили лошадей наших путников под уздцы. Но тут раздался выстрел, и бандит, державший лошадь шевалье, упал с простреленной головой.

— Тысяча чертей! — вскричал Фариболь.— Он убил беднягу ла Раме!

Главарь обнажил шпагу и бросился на оруженосца, но увидел, что тот покачнулся в седле и упал на снег, истекая кровью. Обращаясь к человеку, ранившему несчастного шевалье, Фариболь сказал:

— Займись девушкой, Росарж. Разве ты не видишь...

Но он не успел закончить фразу. Вновь прогремел выстрел, и пуля оцарапала ему ухо.

— Гром и молния! — вскричал Фариболь.— Нельзя терять время. Росарж, ты знаешь, куда следует отвезти мадемуазель. А мы с Мистуфле займемся новыми противниками.

И действительно, к месту нападения быстро приближались два всадника.

— Сюзанна! Сюзанна! — крикнул скакавший впереди.

— Монсеньор Людовик! На помощь! — воскликнула насмерть перепуганная девушка и лишилась чувств.

Росарж схватил ее, перебросил через седло своего коня и умчался во весь опор.

Фариболь и его приятель посторонились, словно давая дорогу лошади Людовика, но, когда она поравнялась с ними, набросились на нее, вцепившись пальцами в ее ноздри. Ошалевшее животное еще какое-то время тащило их за собой, затем стало на дыбы и упало, увлекая за собой седока и обоих нападавших. Монсеньор Людовик оказался в снегу, тщетно пытаясь высвободить правую ногу из-под лошади. Подняв глаза, он увидел уродливую голову Ньяфона, склонившуюся к самому его лицу. Охрипшим от ненависти голосом карлик произнес:

— Ивонна была права, вам не следовало доверять мне, ведь я ненавижу вас не меньше, чем люблю ее и чем отвратителен ей. Заманив вас в эту ловушку, я надеялся, что с вами разделаются и без меня, но, уж коли сейчас вы в моей власти, я все сделаю сам... Монсеньору Людовику предстоит умереть!

— Презренный предатель! — прохрипел юноша, отчаянно пытаясь вытащить ногу.

Ньяфон издевательски рассмеялся и поднял руку, сжимавшую острый кинжал, но в этот момент кто-то железной хваткой схватил его за запястье и выкрутил его руку, заставив выпустить оружие.

— Тысяча чертей, что за шустрый урод! — воскликнул вовремя подоспевший Фариболь.— Ты, похоже, вознамерился совершить убийство, не испросив разрешения у старших?

Задыхаясь от гнева и боли, Ньяфон прорычал в ответ:

— Почему вы встречаете в то, что вас не касается, вы, живущий убийством?

— Придержи свой змеиный язык! — воскликнул Фариболь, выкручивая ему ухо.— Я и мне подобные убивают и рискуют своей шкурой, преследуя порой отнюдь не благородные цели. Это правда. Но мы никогда не добиваем безоружного противника, который к тому же еще и ранен. Мы встречаем врага в открытом бою, а когда нам попадается бездельник вроде тебя, мы ему просто отрезаем уши, а твои, между прочим, столь велики, что маленькая операция им не повредит.

— Я отомщу! Я отомщу за все! — взвыл карлик.

Фариболь ограничился издевательским смешком и окликнул своего товарища:

— Мистуфле!

— Да, хозяин?

— Забери этого болвана.

— Сейчас, хозяин.

Мистуфле схватил Ньяфона и отшвырнул его в сторону, словно мешок с тряпьем.

Фариболь, склонясь над молодым дворянином, тщательнейшим образом осмотрел его и воскликнул:

— Тысяча чертей! Он потерял сознание! Давай-ка вытащим его отсюда, Мистуфле.

Они тут же принялись за работу: Мистуфле с неожиданной легкостью приподнял упавшую лошадь, а Фариболь поднял юношу на руки и сказал:

— Прежде всего его следует нормально устроить. Пойди освободи хозяина гостиницы и его жену и распорядись, чтобы они приготовили все необходимое.

Пять минут спустя монсеньор Людовик уже лежал на тюфяке у камина, а вокруг него хлопотали хозяева постоянного двора, выпущенные из комнаты, где их незадолго до этого запер Фариболь, дабы спокойно и без помех осуществить задуманное похищение.

— Принеси-ка водки, она способна поставить на ноги и мертвеца,— попросил Фариболь Мистуфле.

Между тем хозяин гостиницы, окончательно оправившись от испуга, зажег факел от огня в камине и протянул его Фариболу. Тот склонился над лежащим, дабы получше рассмотреть его лицо, когда же ему это удалось, он в ужасе отшатнулся:

— Гром и молния!

— Что случилось, хозяин? — спросил Мистуфле, принесший бутылку водки.

— Сам посмотри,— ответил Фариболь, указав на лицо юноши.

— Святая Дева Мария! — воскликнул Мистуфле, вздрогнув и побледнев.— Мы пропали! Нас повесят! Ведь это же его величество король Людовик Четырнадцатый.

Приятель в испуге переглянулись, и Мистуфле добавил:

— Хозяин, похоже, что самое время уносить ноги.

Владелец постоянного двора, вновь дрожа от ужаса, упал на колени рядом со своей женой и молитвенно сложил руки, в отчаянии восклицая:

— В нашем доме король! Мертвый! Убитый!..

Однако Фариболь не столь легко терял присутствие духа. Он, быстро стряхнув оцепенение, пожал плечами, подкрутил ус и, казалось, одними лишь этими простыми жестами успокоил несчастного.

— Замолчи, мошенник! — приказал он ему.— Король жив и, тысяча чертей, только потому, что мы вовремя помешали его убить. Давай, Мистуфле, попробуем привести его в чувство. Хорошо, если, придя в себя, он увидит нас коленопреклоненными перед его ложем и покорными его воле.

Оба они встали на колени перед расprostертым юношей. Фариболь осторожно расстегнул ему камзол, а Мистуфле смочил ему губы содержимым принесенной бутылки. Вскоре монсеньор Людовик пришел в себя, приподнялся на локте и посмотрел по сторонам.

— Где я? — спросил он.

— Сир,— почтительно ответил Фариболь,— вы у ваших верных подданных, готовых защищать вас до последнего вздоха.

Юноша встал и произнес:

— Да, да! Теперь я вас узнаю. Вы те два бандита, виновные в похищении мадемуазель де Бреванн и в несчастье, постигшем оруженосца графа.

— Сир,— пробормотал Мистуфле, дрожа всем телом,— у вашего величества превосходная память...

— Да, не жалуюсь, а потому помню и то, что обязан вам жизнью. Я готов простить ваши преступления, если вы поклянетесь исправить причиненное вами зло и впредь верно служить мне.

— Клянемся! — хором ответили два приятеля.— И если ваше величество...

— Но почему вы именуете меня этим титулом?

— Сир,— ответил Фариболь,— прежде чем злосчастная судьба превратила нас в... бродяг, мы оба служили в королевских войсках, и ваш августейший облик навсегда запечатлелся в нашей памяти и наших сердцах. Но если ваше величество предпочитает хранить инкогнито, мы, конечно же...

— Помилуйте, вы действительно принимаете меня за Людовика Четырнадцатого, короля Франции?

— Ваша милость, я слишком часто видел его лицо и фигуру, слышал его голос, чтобы сейчас ошибиться. Обычное сходство не могло бы ввести меня в заблуждение, да оно и не бывает столь разительным

между двумя человеческими существами, если только они не братья...

— Братья! — побледнев, воскликнул юноша.

Затем, задумчивый и мрачный, он долго мерил шагами залу, но в конце концов остановился перед своими нечаянными спасителями и сказал:

— Честью клянусь, что вы ошибаетесь. Я всего лишь ничем не знаменитый дворянин, тайна рождения которого сокрыта для него самого... Это загадка... Я — загадка! Но если окажется правдой то, что я подозреваю... что ж, тогда я смогу определенно сказать вам: я не только не король Франции, но и имею все основания быть ему врагом!

Его слушатели невольно вздрогнули от этих слов, а хозяин гостиницы, внезапно догадавшись, воскликнул:

— Господи! Это же монсеньор Людовик! Боже, помилуй нас!

— Чем вызван ваш испуг? — спросил у него юноша.

— Мы погибли, монсеньор! — еле выговорил несчастный.— По приказу графа де Бреванна всякий, увидевший вас или заговоривший с вами, карается смертью.

— Ах так! — воскликнул юноша с ноткой торжества.— Это лишь доказывает, что я не ошибался! Значит, я...

Но ему не удалось закончить фразу: дверь распахнулась от сильного удара, и в залу ворвался граф де Бреванн в сопровождении вооруженных мушкетами слуг. Граф был без шляпы, его одежда была в беспорядке. Он быстро прошел в середину залы и, указывая на Фариболя, Мистуфле и хозяина гостиницы, приказал:

— Стреляйте в этих людей!

Однако, прежде чем люди графа успели навести свои мушкеты, оба авантюриста бросились вперед, схватили графа за руки и закрылись им, словно живым щитом.

Слуги в растерянности опустили оружие. Граф же, не изменившись в лице, громко повторил:

— Исполняйте приказание! Стреляйте и ничего не бойтесь! Огонь! Огонь, вам говорят!!

Видя, что импровизированные солдаты уже готовятся исполнить столь энергичный приказ, Мистуфле обнажил шпагу, но монсеньор Людовик схватил его за запястье:

— Спрячь шпагу.

Затем он спокойно встал между слугами и графом и сказал:

— Возможно, месье графу угодно, чтобы его слуги заодно прикончили и меня?

— Монсеньор! Монсеньор! Не рискуйте так! — взмолился граф.— Отойдите, прошу вас!

— Тогда прикажите своим людям удалиться,— ответил Людовик и с гневом добавил: — Или вы желаете, чтобы я сказал им, кто я такой?

Графа словно ударили.

— Как? — воскликнул он.— Вы знаете?

— Да, знаю, несмотря на все ваши старания скрыть это от всех, в том числе и от меня самого... Так что отныне и впредь позвольте мне пользоваться правами, исконно мне принадлежащими.

Граф склонил голову в знак согласия, а монсеньор Людовик, повернувшись к слугам, сказал:

— От имени графа де Бреванна приказываю вам забрать тело шевалье де ла Бара и вернуться в замок! Вы же,— продолжал он, обращаясь к хозяину постоянного двора и его жене,— запритесь в своей комнате и до утра не покидайте ее.

Слуги поспешили исполнить приказ. Когда они удалились, юноша подошел к почти сломленному происшедшим графу, без сил сидящему на стуле, и сказал:

— Господин граф, до сегодняшнего дня я подчинялся вашей воле с поистине сыновней почтительностью, но настало время, когда я должен вернуть свои законные права и занять подобающее мне место среди людей... Этой же ночью я отправляюсь в Париж, в Лувр, к королю!

— Несчастный! — с отчаянием в голосе воскликнул граф.— Вы идете на верную смерть!

— Пусть! — ответил юноша.— Зато народ Франции узнает, что им правит недостойный король, желавший смерти собственного брата.

— Гром и молния! — тихо проговорил потрясенный Фариболь.— Брат короля!

— Да, я брат короля Франции! — ответил монсеньор Людовик, по-прежнему обращаясь к графу.— Но мне необходимо веское, неопровержимое доказательство этого, и оно у вас есть. Дайте мне его, господин граф! Я готов получить его любой ценой, но прошу вас, будьте благоразумны и отдайте добровольно!

— Никогда! — вскричал граф.— Повторяю вам: никогда! Отдать вам просимое означает для меня нарушить слово дворянина!

— Послушайте, граф. Несколько часов назад с королевской почтой вы получили некое письмо, важность которого легко угадывалась по вашему лицу, когда вы его читали. Отдайте мне это письмо, граф, ведь я предупредил, что все равно получу его.

— Нет! — воскликнул граф, инстинктивно кладя руку на карман камзола.

— Ей-богу! — быстро сообразил Фариболь.— Кажется, оно у него с собой.

— Обыщите его! — приказал монсеньор Людовик.

Пока Мистуфле держал сопротивляющегося графа, Фариболь со знанием дела обшаривал камзол последнего.

— Монсеньор! — взмолился граф.— Подобное бесчестье хуже смерти!

— Нашел! — вдруг крикнул Фариболь и в доказательство своих слов помахал письмом в воздухе.

Дрожащими от волнения руками юноша взял письмо, развернул его и прочел. В глазах его блеснули слезы, и срывающимся голосом он спросил:

— Ужели, граф, вы столь жестокосердны, что могли скрыть от меня столь важное и печальное известие?

— Я действовал согласно своей совести, чести и данной клятве,— гордо ответил граф.

— Тем не менее вы не могли не прислушаться к горячей мольбе, изложенной в этом письме.

Сказав это, юноша вновь прочел письмо, на этот раз вслух:

— «Граф! Прошу вас без промедления явиться ко мне. Вскоре мне суждено предстать перед Тем, Кто равно судит и простых смертных, и сильных мира сего по делам их. Мне страшно. Я желаю увидеться с сыном своим, от коего отреклась когда-то, а теперь буду молить его о прощении. Приезжайте, приезжайте оба! Я умираю! Анна Австрийская».

— Королева-мать! — снимая шляпы, воскликнули Фариболь и Мистуфле.

Воспользовавшись возникшим замешательством, граф одним прыжком оказался рядом с Людовиком, вырвал из рук юноши письмо и бросил его в камин. Оно мгновенно превратилось в пепел.

— Что вы наделали, несчастный? — вскричал монсеньор Людовик.

— Я исполнил свой долг,— спокойно ответил граф.— Я поклялся его величеству королю Людовику Тринадцатому никогда не разглашать эту тайну, поскольку она затрагивает интересы безопасности государства. Ради нее я пожертвовал своей свободой, посвятил ей всю жизнь... И я не признаю за Анной Австрийской права освободить меня от данной клятвы, а следовательно, и вы навсегда останетесь для всех «монсеньором Людовиком».

— Вы заблуждаетесь! — запальчиво воскликнул юноша и, повернувшись к Фариболу и Мистуфле, спросил: — А вы что скажете?

— Сударь, мы присягнули вам на верность, полагая, что присягаем нашему монарху. Сейчас же, зная, что вы не более чем его бесправный брат... мы готовы служить вам до последней капли крови. Ты со мной согласен, Мистуфле?

— Совершенно! Клянусь!

— Тогда свяжите графа и вставьте ему кляп,— распорядился монсеньор Людовик.

Несмотря на отчаянное сопротивление, минуту спустя граф уже лежал на столе с кляпом во рту, надежно связанный по рукам и ногам.

Прежде чем уйти, юноша приблизился к нему и сказал:

— В память о том сочувствии и заботе, с которыми вы относились ко мне все это время, граф, я прощаю ваши заблуждения и дарю вам жизнь. Как бы ни сложилась моя дальнейшая судьба, я всегда буду помнить вас и... мадемуазель де Бреванн... Прощайте, граф! Да хранит вас Бог!

Глава III

ИСПОВЕДЬ АННЫ АВСТРИЙСКОЙ

Часы истории показывали первые дни 1666 года.

В кардинальском дворце, в скудно обставленной, еле освещаемой светом угасающего пламени камина комнате с высоким потолком, в постели под огромным балдахином всеми забытая и предоставленная страшной боли, разрывавшей ей внутренности, медленно умирала королева-мать, Анна Австрийская.

Близилась ночь. Королева была одна. Слуги оставили ее, а дети, столь нежно любимые ею, о ней не вспоминали. Ценой невероятных усилий она приподнялась на ложе и, дотянувшись до колокольчика, несколько раз позвонила. Но никто не явился. Это, казалось, лишило королеву последних сил, и она вновь откинулась на кровати.

Внезапно кто-то негромко окликнул ее. Она открыла глаза и увидела рядом со своим ложем старую женщину, чью спину искривил груз прожитых лет. Это была мадам Гамелен, неслышно вошедшая в комнату умирающей. Мадам Гамелен слыла женщиной бесхитростной и чрезвычайно благочестивой, а кроме того, будучи кормилицей короля Людовика XIV, занимала не последнее место при его дворе. Со страдальческой улыбкой королева приветствовала ее:

— Здравствуй, моя добрая кормилица, спасибо, что явилась на мой зов.

— Я бы с радостью проводила все время рядом с вами, госпожа, но король, мой дорогой сир, почти весь день не отпускает меня от себя.

— Я послала твоего сына с письмом в тот замок, что в окрестностях Дижона... Скажи мне, он вернулся?

— Еще вчера.

— Он принес ответ? — спросила королева с нетерпением в голосе.

— Нет, госпожа.

— Боже милостивый! — вздохнула умирающая. — Неужели и граф де Бреванн не сжалится надо мной?

Воцарилось недолгое молчание, затем, нервно схватив руки старушки, королева сказала:

— Кормилица, перед смертью я должна исполнить свой священный

долг. Этой же ночью мне необходимо увидеть священника, но не моего придворного исповедника, а любого другого из какой-нибудь церкви неподалеку. Пожалуйста, кормилица, приведи мне его!

— Но, госпожа... — пробормотала старушка.

— Молю тебя, не теряй времени. Надави на планку рядом с этой панелью... Вот здесь, у края...

Несмотря на смущение, добрая старушка исполнила просьбу и с изумлением увидела, как панель скользнула в сторону, открывая проход в стене.

— Там потайная лестница! — сказала королева.— Быстрее спускайся по ней, внизу ты найдешь дверь. Вот, возьми от нее ключ... Но, ради бога, не мешкай! Помни, что в твоих руках мой покой!

Без дальнейших возражений мадам Гамелен исчезла в проходе и вскоре, к полной для себя неожиданности, очутилась на улице, не зная, куда именно идти. Тут она заметила мужчину, которого по шпорам на ботфортах и шпаге приняла за дворянина. Приблизившись, старушка боязливо спросила:

— Сударь, прошу извинить меня за беспокойство, но не укажете ли вы мне дорогу к ближайшей церкви?

— Церкви? Гром и молния! Боюсь, что здешние церкви мне незнакомы. Вот если бы мы были в Марселе!..

— Боже мой! — воскликнула старушка.— Что же мне делать?

— Вы, как я вижу, торопитесь... Вне всякого сомнения, вы ищете священника для какого-нибудь больного. Верно?

— Да, сударь,— ответила несчастная, чувствуя, что слезы вот-вот брызнут у нее из глаз.— Боже, королева умирает...

— Что? Королева? — воскликнул незнакомец, подаваясь вперед.

— Да, сударь. Королева-мать при смерти. Поймите же всю серьезность моего поручения и помогите мне!

— Воистину, добрая женщина, само Небо послало вам меня, не будь я Фариболь! — ответил наш старый знакомый, поскольку это был он.— Я отведу вас в дом одного моего друга, а уж он подберет Анне Австрийской такого исповедника, о каком она и мечтать не смела! Пойдемте же, сударыня, это совсем рядом!

За ночь до описанной нами встречи монсеньор Людовик, уступив настоятельным просьбам своих преданных слуг, остановился в гостинице «Золотой лев», в двух шагах от кардинальского дворца. Он

собирался незамедлительно явиться во дворец, что, конечно же, привело бы к неминуемому аресту, а значит — к тюрьме. По счастью, благоразумному Мистуфле и храброму Фариболью удалось отговорить его от подобного безумства. Фариболь же со свойственной ему уверенностью пообещал монсеньору Людовику, что не пройдет и суток, как он изыщет совершенно безопасный способ попасть в спальню королевы-матери.

Юноша пообещал набраться терпения до наступления следующей ночи, однако нервное напряжение не оставляло его, и он не мог оторвать взгляда от окон кардинальского дворца.

Вдруг раздался стук в дверь его комнаты, и на пороге с сияющим от радости лицом появился Фариболь.

— Не угодно ли монсеньору, — сказал он, снимая шляпу, — принять кормилицу его величества короля Людовика Четырнадцатого?

— Кормилицу моего?..

— Да, монсеньор, — поспешно перебил его Фариболь, пропуская вперед мадам Гамелен.

— О монсеньор! — воскликнула старушка, входя в комнату. — Этот добрый человек обещал мне...

Но, внезапно оборвав свою речь, она с возгласом изумления сделал шаг назад. Дело в том, что в этот самый момент Фариболь зажег свечу, и ее свет озарил лицо юноши.

— Боже мой! — воскликнула мадам Гамелен. — Вы... здесь, мой дорогой сир? Возможно ли это?

— Что ж... я... — сбивчиво заговорил юноша.

Но тут у кормилицы короля зародилось некое подозрение, она пристально посмотрела на монсеньора Людовика, как бы ища в его лице одной ей ведомые отличия от королевского облика. Затем, воздев руки к небесам, она в ужасе вскричала:

— Нет! Как я могла ошибиться!.. Вы не король! Все ясно, меня заманили в ловушку!.. — И, обернувшись к двери, она закричала изо всех сил: — На помощь! На помощь!

Фариболь бросился к ней и зажал ей рот рукой. Он был готов задушить ее, но в этом не было необходимости, поскольку бедная старушка от испуга потеряла сознание. Фариболь уложил ее на кровать, ослабив шнур корсажа. Монсеньор Людовик, молча наблюдавший за происходящим, положил руку ему на плечо и спросил:

— Что все это значит?

Фариболь в двух словах объяснил юноше происшедшее и добавил:

— Кроме того, я послал Мистуфле раздобыть подходящую одежду....

— А вот и она! — завершил фразу Мистуфле, входя в комнату. В руках он держал сутану и шляпу священника.

— Мистуфле предстоит сыграть роль исповедника,— пояснил Фариболь.— Я же переоденусь в платье этой старушки и...

— Но к чему весь задуманный тобой маскарад? — спросил монсеньор Людовик.

— Чтобы проникнуть во дворец. Всем, кто попытается остановить нас, я стану отвечать, что я — мадам Гамелен, сопровождаю исповедника, которого ее величество королева Анна Австрийская призвала к своему ложу. Это если нам не удастся подняться по потайной лестнице, ведущей прямо в спальню королевы-матери.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть ключ?

— Он в кармане юбки этой старушенции.

— Что ж, поступим, как ты предлагаешь, Фариболь. Хотя это поистине ужасно — переодеваться, подобно вору, чтобы увидеть собственную мать!

Минуту спустя они, как тени, прокрались к потайной двери. Фариболь на ощупь отпер ее и тут же закрыл, как только они оказались внутри. Но затем он внезапно остановился, хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Тысяча чертей! Я забыл связать кормилицу и даже не запер ее! Теперь уже поздно, но не следует забывать, что она может сыграть с нами злую шутку.

Взволнованный монсеньор Людовик достиг наконец комнаты своей матери и уже слышал ее тяжелое, близкое к агонии дыхание. Она также услышала его шаги и слабым голосом спросила:

— Это ты, кормилица?

— Нет, мадам,— негромко ответил монсеньор Людовик.

В почти полной темноте, царившей в комнате, больной все же удалось разглядеть силуэт священника; она с облегчением вздохнула и сказала:

— Пожалуйста, подойдите ближе!

Медленно, с опущенной головой и скрещенными на груди руками

юноша приблизился и встал на колени у ложа.

— Святой отец,— начала королева, тронутая его почтительностью, — я уже исповедалась в грехах и уповаю лишь на бесконечное милосердие Господа нашего... Так что я жду от вас не столько отпущения, сколько помощи. Выслушайте просьбу умирающей и помогите ей исправить самую большую ошибку ее жизни... Святой отец,— продолжала больная, стараясь говорить как можно убедительнее,— ваших ушей наверняка достигали слухи о том, что, прежде чем выйти замуж за Людовика Тринадцатого, я вступила в тайный брак с одним человеком... Так вот, это правда. Но никому не известно, что от этого брака у меня есть сын...

— Ах, мадам! — вздохнул мнимый священник.

— О святой отец! Вы упрекаете меня в том, что даже муж мой, король Людовик, хранил в тайне всю свою жизнь! Но что это в сравнении с другим грехом, который я совершила, пожертвовав всем ради другого сына, лицемерно прикрываясь пресловутыми интересами государства?.. Да, через несколько месяцев у меня родился второй сын, на этот раз действительно от Людовика Тринадцатого... То, что случилось затем, ужасно, но разум изменил мне, и я не ведала, что творила... Я подкупила астролога, и он предсказал королю рождение двух сыновей-близнецов. Когда второй сын появился на свет, верная мне служанка положила в его кроватку моего первенца. И все поверили, что оба они — сыновья Людовика Тринадцатого!

Монсеньор Людовик слушал королеву, спрятав лицо в ладонях. Она же, не ведая, что значат ее слова для этого молчаливого человека, продолжала:

— Его величество Людовик Тринадцатый, узнав о рождении близнецов, впал в состояние, близкое к безумию. Он тут же объявил, что у Франции может быть лишь один наследник престола, а в противном случае якобы неисчислимы беды грозят стране, да и самим братьям, поскольку судьба неизбежно сделает их врагами. В моей опочивальне были лишь герцог Бургундский и кормилица, которым король, указывая на одного из мальчиков в колыбели, сказал: «Повелеваю сокрыть от всех рождение второго наследника. Вы отвечаете за это своей жизнью!» Я же, мучаясь от боли, не посмела вмешаться и открыть мою тайну, так как это признание могло непредсказуемо повлиять на судьбу одного из моих сыновей... И той же ночью, пока я спала, приказ короля был

исполнен! Проснувшись, я увидела лишь одного сына, того самого, что был рожден от моей роковой связи, а значит, и не имел никаких прав на трон!

По мере того как рассказ королевы близился к концу, монсеньор Людовик поднимал от ладоней сильно побледневшее лицо. Когда же Анна Австрийская закончила, он срывающимся голосом спросил:

— Так, значит, тот, кто правит Францией... тот, кто сидит на троне наших предков...

— Не является законным наследником короны... Клянусь! — ответила королева-мать, и тон ее не оставлял сомнений.

— А другой?.. Тот, второй, сын Людовика Тринадцатого?..

— Вот о нем-то я и хотела с вами поговорить. Как только я умру, святой отец, отправляйтесь в замок графа де Бреванна. Там с самого раннего детства, в уединении, не зная ласки и своих августейших корней, под ничего не значащим именем «монсеньор Людовик» живет подлинный сын Людовика Тринадцатого.

Юноше пришлось прикусить губу, чтобы не закричать.

— Под моей подушкой вы найдете ключ,— продолжала королева.— Откройте им сундук, что стоит в углу этой комнаты. Там вы увидите шкатулочку, а в ней — свидетельство о рождении и все прочие документы моего сына... Передайте их ему, святой отец...

Юноша машинально повиновался и взял ключ.

— Я хочу исправить зло, причиненное мною моему сыну,— продолжала Анна Австрийская,— хочу, чтобы он узнал, кто его мать, и... и простил меня. Вы ведь скажете ему, как я страдала, правда, святой отец? Боже, как я хотела сжать его в своих объятиях хотя бы на мгновение и получить прощение вместе с сыновним поцелуем!..

— Матушка! — сквозь рыдания воскликнул юноша, будучи не в силах больше сдерживать себя.— Матушка! Я прощаю вас! Я люблю вас!

И, отодвинув шкатулку со всеми доказательствами своих прав, он бросился в объятия умирающей. Она же, приподнявшись на ложе, зажала между ладонями лицо своего сына, покрыла его горячими поцелуями и бормотала как в бреду:

— Ты! Это ты, мой сын? Дорогое мое дитя!

— О матушка! Позвольте запомнить черты вашего милого лица! — Сказав это, юноша встал, сорвал с себя сутану и, взяв факел, зажег его